

Очередь колыхалась вдоль длинной стены Манежа и загибалась к Александровскому саду. Я встал в «хвост» — хотелось послушать, что говорят о выставке художника Глазунова.

— А я говорю, картины у него не нарисованы, — продолжал спор с юной белокурой студенткой кудрявый бородач с этюдником под мышкой.

— То есть как не нарисованы? Илья Сергеевич закончил институт имени Репина. Его студенческий этюд «Руки» вошел в учебник по рисованию. Он несколько лет подряд копировал Рубенса, Эль Греко, Тинторетто, Веронезе. Даже самого Рафаэля!

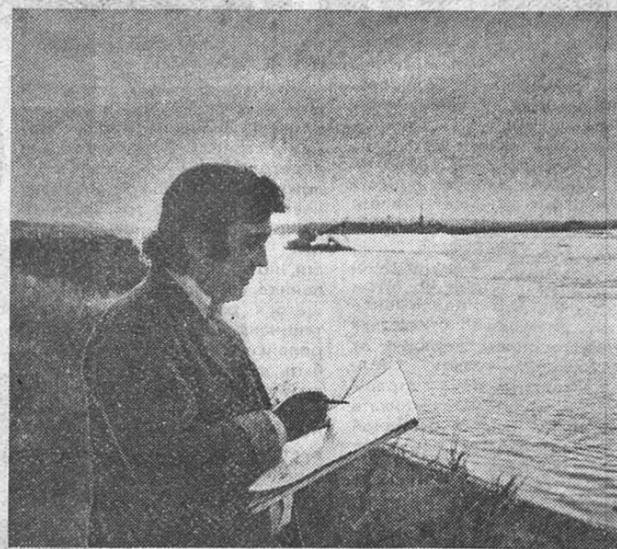
— Мало ли кто кого копирует? — сердито поблескивал очками бородач. — У Глазунова все наспех. Разве может настоящий мастер создать тысячу работ? Абсурд. Книжки и кокошники приклеивает на холсты. А за диплом ему, между прочим, влили тройку. В 1957 году.

— А незадолго до этого в ЦДРИ была персональная выставка Глазунова, — парировала девушка. — И папа мой на нее тоже часа четыре отстоял, на морозе, между прочим. А за год до этого Глазунов получил на международной выставке Гран при. И заметьте: первая монография о нем вышла почти четверть века назад, и автор ее — итальянский коммунист Паоло Риччи.

— Он всю жизнь гоняется за популярностью. Невелика заслуга в один присест смастерить портрет Феллини, или Клаудии Кардинале, или Марио дель Монако. Халтурой похвастается.

— Но за портреты его хвалили когда-то сам Давид Сикейрос! И потом, почему это Индира Ганди, Эдуардо де Филиппо или президент Кекконен приглашали писать свои портреты именно Глазунова? Почему именно его панно «Вклад народов Советского Союза в мировую культуру и цивилизацию» висит в ЮНЕСКО? Почему именно он оформляет «Князя Игоря» и «Пиковую даму» в Берлинской опере? К тому же он почетный член академии художеств в Барселоне и Мадриде. Десяток персональных выставок за рубежом — это как все объяснить?

— Везунчик. Баловень судьбы ваш Глазунов, — не сдавался бородач.

ИСТОРИИ НАШЕЙ КРАСКИ

К 25-летию творческой деятельности Ильи Глазунова

Везунчик? Не многие знают, что у Глазунова отец умер в блокаду от голодного психоза. На глазах одиннадцатилетнего мальчика. Потом скончалась от голода мать. И все родственники. Его чудом вывели под обстрелом по ледовой дороге. Печальное словосочетание: круглый сирота...

Наконец мы оказались в Манеже. К картинам было не пробиться. Книга отзывов распухла от вкладываемых в нее листков и даже тетрадок со стихами...

Интерес к творчеству Глазунова все растет. В очередях на его выставки стоят под дождем и солнцем не только у нас, но и за рубежом. Значит, люди чем-то задеты за живое, что-то ищут в этих портретах, жанровых зарисовках, полотнах на историческую тему. В чем же загадка этого творческого притяжения?

...На обрывистом берегу реки конный латник в развевающемся красном плаще указывает левой рукой на зарево, горящий город: смотри, сын, снова грядет Орда!..

...Подобен в профиль птице, сидит у камина Александр Блок, вглядываясь в тревожный горящий закат. Близится возмездие за алчность, злобу, насилие старого мира, за женщин и детей, убитых перед Зимним на глазах самодержца.

...Глубокими, безумными глазами смотрит подросток в пустую тарелку на столе. Голод. Блокада. Последние звуки жизни. Последние проблески ее света, физическое ощущение ужаса, как на картинах Гойи...

Эти образы не дают успокоиться, будоражат память. Глазунов замешивает краски из животных ключей нашей истории. Он заставляет зрителя стать соучастником важнейших исторических событий, когда до предела обострено чувство личной ответственности за судьбу Отечества и до предела раздвинут и обострен кругозор общественного сознания. И касается это не только истории, но и современности. Воспеваемые им строители БАМа или Нурекской ГЭС — такие же создатели новейшей истории, какими были их предки — плотники, пахари, углежогы, ратоборцы. И когда по командировке «Комсомольской правды» он едет во Вьетнам, где под бомбами запечатлевает лицо народа, сражающегося с американскими варварами, — он вызывает к личной ответственности. Каждого из нас. Не только за свою собственную судьбу. За каждое мгновение судьбы общечеловеческой. Интернациональной.

Перед его картинами сострадаешь униженным и оскорбленным — войной, злобой, насилием, ненавистью. И прежде всего сострадаешь детям. В стране, на которую вал за валом накатывались нашествия, где отцы умирали с оружием в руках, едва дав начало новой жизни, где вырубалось кривым ятаганом все живое выше тележного колеса, где дети умирали в фашистских концлагерях, — в такой стране сострадание ребенку — едва ли не главное качество души. Все блага цивилизации не стоят слез одного замученного ребенка — провозвестил гениальный Достоевский, и эту мысль пытается воплотить средствами живописи лучший иллюстратор идей Федора Михайловича — Глазунов.

Ничто не вызывает в душе художника Глазунова большего протеста, чем племенная, расовая, религиозная вражда. Чем пренебрежительное отношение одной нации к другой.

...Припал ухом к земле мертвый кипчак, будто слушает топот своего коня, убегающего без хозяина домой, в родимую степь. А русич, тоже мертвый, смотрит ввысь, в милье небеса, словно провожает угасающим взглядом обостренную душу («Побойце»). Что свело их на поле брани? Сколько понадобится крови и слез, душевного горения декабристов, народовольцев, революционеров, чтобы русский народ освободил своих азиатских собратьев от рабской покорности ханам, султанам, эмирам. Чтобы на развезде Дубосеково, под Москвой, братья-казахи легли с гранатами под танки, защищая русскую землю. Землю советскую.

В 1966 году, когда в журнале «Молодая гвардия» заканчивалась публикация автобиографической повести Глазунова «Дорога к тебе», я спросил у Юрия Алексеевича Гагарина, что он думает о картинах художника. «Они на диво красивы. Как Земля из космоса, — после некоторого раздумья ответил первый космонавт. — С высоты на Земле порою видны целые материи. А на картинах Глазунова — целые пласты нашей истории. Нашей красоты».

Глазунов по крупницам собирает зерна красоты. Поверяет сущее гармонией. И если, как встарь, ему надо было бы выбрать девиз, он мог бы по праву начертать кистью слова Александра Блока: «Сотри случайные черты — и ты увидишь: мир прекрасен».

«Великолепие истинного» назвал прекрасное Платон. И в этом смысле творчество Глазунова — истинно, что бы ни говорили его противники. Речь идет обо всех гранях этого творчества: и об участии художника в создании Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, и о его проекте здания музея в древнерусском Палехе.

Так в чем же загадка Глазунова? На этот вопрос в свое время ответил Николай Тихонов. В статье «Человек беспокойного таланта» он писал: «Илья Глазунов... чужд легкому подходу к теме, его сюжет всегда углублен, резко обозначен, внутренний мир человека для него чрезвычайно важен. Перед нами современный живописец, корни творчества которого уходят в многовековые традиции нашего искусства». За четверть века быстротекущее время не изменило в этих словах ни запятой.

...Со-участие. Со-страдание. Со-переживание. Со-размышление. Вот на каких краеугольных камнях выстраивает Илья Глазунов светлый терем своего и нашего мироощущения. Мир воздействует на художника — художник изменяет мир. И вместе с художником мы участвуем в акте со-творчества, со-преображения быта и бытия.

...И вот одна запись: «Меня поразила удивительная творческая работоспособность художника, сумевшего за такой короткий срок раскрыть и передать душу и облик трудовых людей Чили».

Этой записи не было в книге отзывов выставки в Манеже. Она принадлежит Сальвадору Альенде, открывавшему выставку работ Глазунова в Сантьяго. За несколько недель

до того, как Альенде будет предательски убит, а его портрет работы Ильи Глазунова фашисты обольют бензином и сожгут. Но талантливые картины, как и талантливые рукописи, не горят.

— Илья Сергеевич, Вы руководите мастерской портрета в институте имени Сурикова. Вероятно, в начале учебного года народный художник СССР профессор Глазунов произносит перед своими учениками напутственное слово...

— ...или, как говорил Даль, напутное. Только у нас оно разбито на целый год. Мы с моими заместителями, замечательным художником Рудольфом Францевичем Карклиным и Александром Сергеевичем Трофимовым, проректором института, заботимся о непрерывном духовном росте молодых художников, стараемся заострить их внимание на главном. Ведь искусство — это

гражданский подвиг художника. Рождение творческого замысла — всегда тайна. Картина всегда несет определенные духовные, социальные, философские идеи. Вот почему художник должен быть во всеоружии своего духовного воздействия на человека, освоить вершины мировой культуры, включая историю, философию, теорию музыки, и прежде всего освоить классику. Приобщение к традиции — это приобщение к искусству. Мы ввели обязательное копирование, как бы беседу со старыми мастерами. Мастерская портрета выезжает каждое лето на практику в Эрмитаж на творческие беседы с Рембрандтом, Веласкесом, Эль Греко, Ван Дейком, Рубенсом и другими великими художниками, вечными юными классиками. Зимой же — копирование в Третьяковской галерее творений Кипренского, Левицкого, Боровиковского, Иванова, Венецианова... Передать черты современника — это не просто натуралистически изобразить его, как на фотослайде, и не в абстрактной манере, где легко ухо лепится на спину, а на руке семь пальцев, а не пять. Портрет требует огромного напряжения, непрерывного единоборства с натурой.

И все же высший взлет в живописи — не портрет, не этюд, а картина. Только в картине художник может до конца выразить всю страсть свою, любовь и боль, как это сделал Василий Суриков в «Боярыне Морозовой», «Меншиков в Березове», «Утре стрелецкой казни». Но, чтобы написать картину, нужна концепция жизни. Надо знать жизнь во всех ее проявлениях. Этим летом вся мастерская выезжает по командировке ЦК ВЛКСМ на БАМ — вот где конкретная фактура жизни!

Итак: непрерывный труд души плюс накопление мастерства. Блажен художник, который к моменту расцвета своего дарования сможет выразить свое вдохновение, как говорил Врубель, не дрожащими руками истерика, а твердыми руками ремесленника.

— Судя по Вашим высказываниям в печати, ныне на Западе почти нет, применительно к живописи, собственного национального искусства. Что Вы имеете в виду?

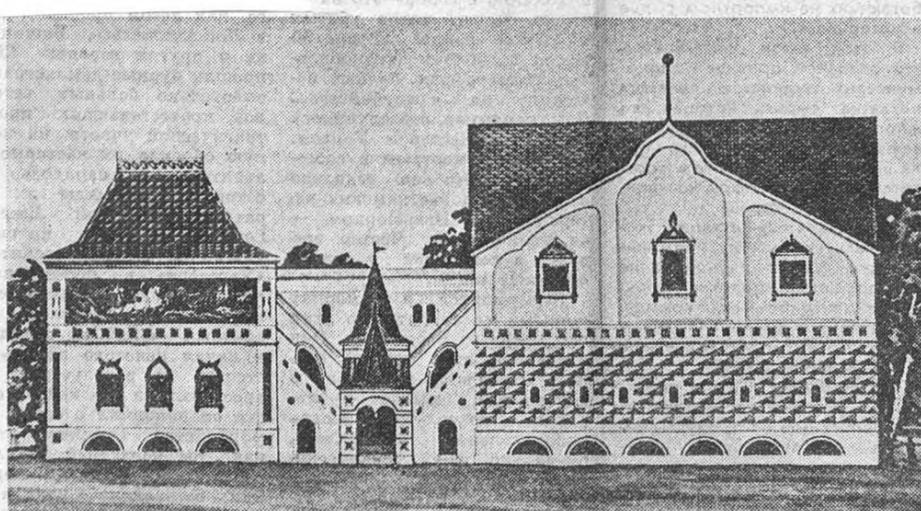
— Я утверждаю: нет художника вне нации, вне национального бытия. Интернационализм — это благоуханный букет из разных цветов национального искусства всего мира. Я по своим убеждениям интернационалист и принимаю задачу искусства как максимальное развитие национальных традиций и особенностей, свойственных каждому народу. Я не знаю ни одного здорового явления в искусстве, которое бы не было окрашено до предела в национальные тона. И потому если сейчас мы видим некий унылый стандарт, который кем-то назван современным или сверхсовременным искусством, то, на мой взгляд, это искусство тупиковое. Оно волнует чаще всего маленькую группу критиков, которые делают искусство на элитарное и массовое, глубоко при этом заблуждаясь. Современник на такие безличные выставки не идет. Абстракционизм мертв. Здесь не помогут даже ссылки на космос, который якобы предлагает абстракцию. Ничего подобного! Из бесед с нашими космонавтами я вынес впечатление именно о конкретности, о плоти космоса, будь то высадка на Луну или недавнее приземление нашего аппарата на Венеру.

Важно, во имя чего художник ведет свой диалог со зрителем, во имя каких духовных ценностей слушает он напевы своей музы.

Ю. МЕДВЕДЕВ.

Марфенька. Иллюстрация к роману Гончарова «Обрыв».

Проект музея в селе Палех.